

Минский
и
Трушков

Сергей Москвич

Сергей Н. Москвич

Шишкин и Пушкин

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63573421

Шишкин и Пушкин: Москвич; Москва; 2020

ISBN 978-5-6041306-0-5

Аннотация

Книга переносит читателя на Крайний Север начала 70-х годов прошлого века. Мы встречаем необычных людей той уже далекой от нас эпохи, знакомимся с их жизнью и привычками. Маленьких и взрослых персонажей сборника объединяет обаятельный герой по фамилии Шишкин, с которым происходят разные истории – грустные и смешные. Автор любовно прослеживает судьбу своих героев со времен их общего детства и юности, вспоминает разные забавные случаи и приключения той далекой поры и расстается с ними на пороге взрослой жизни.

Содержание

От автора	4
1. Шишкин и Пушкин	8
2. Живой труп	11
3. Рюм	17
4. Фисюк и велосипед	21
5. Пи	24
6. Шишкин и фантомас	29
7. Любовь и веники	34
8. Французский фрукт	39
9. Грамулечка	45
10. Похитительница волос	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Москвич Шишкин и Пушкин *Второе издание*

*Старый северный городок,
Бабки вечером – тары-бары,
Пыль, собаки, речной гудок
Да дощатые тротуары.*

(Из поэмы «Ледяная память»)

От автора

Бытует такое мнение, что Крайний Север – это место, где все время кто-то или что-то кого-то кусает. И это истинная правда. Зимой этим занимается мороз, а летом – комары, и надо отметить, что делают это они со вкусом и помногу. Можно подумать, что в такой кусачей атмосфере нет места для нормальных людей, и я подтверждаю, что и это утверждение правда. То есть все люди на северах немножко, как бы это помягче сказать, немножко «того». Нет, не чокнутые, а совсем наоборот – слишком не чокнутые. То есть в меру ненормальные. Я сам таким был и, надеюсь, сохранил это качество до сих пор.

И поэтому, когда у меня завелись дети, а произошло это как-то само собой, я решил рассказать им о Заполярье и о тех романтических чудаках, которые его населяют. Сказано – сделано, и я, однажды почувствовав в себе педагога, поведал им несколько историй из своего прошлого, когда я сам еще был шестиклассником.

Мне эти истории казались поучительными, но, видимо, я рассказал их так, что эффект получился обратным.

Я попытался исправить положение, но допустил непростительную ошибку, выбрав главным героем для своего воспитательного повествования отъявленного двоечника и бузотера. Он стал жить самостоятельной жизнью на страницах рассказов, и мои чада все больше и больше подпадали под его обаяние. Я раз за разом силился отвязаться от него, но ничего не получалось. Я вытаскивал на сцену отличников, хорошистов и даже троечников, но они позорно уходили в тень дерзкого проказника, и мне пришлось сдаться. Генка Шишкин меня победил.

Скажу сразу, что это персонаж вымышленный, точнее собирательный. И собирать мне пришлось его из трех реальных пацанов, живших в разное время и в разных частях нашей необъятной страны. Да и все остальные герои не имеют прямой связи с реальными людьми и нахально влезли на страницы этой повести откуда-то из области фантазий. Они бессовестным образом стали присваивать себе черты, а иногда даже имена реальных людей из моего прошлого. Так что

я не виноват, если кому-то покажется, что в этой книжке написано про него. Это случайно совпало, и не более того. Все претензии к персонажам, а я тут ни при чем.

Я не хотел бы казаться вычурно вежливым, раздавая благодарности и посвящения в этом предисловии, как это принято у других авторов. Но все-таки хотелось бы сказать спасибо моей жене, хотя бы за то, что она приносила мне чай, когда я печатал эту книжку. Ей даже удавалось не всегда проливать этот чудесный напиток мне на брюки! Более того, она ни разу не попала заваренным кипятком на клавиатуру компьютера!

Также отмечу труд Любови Михайловны Боровиковой, которая не слишком удивлялась, исправляя мои ошибки. Мне лестно ее замечание, что я оказался первым автором в ее продолжительной деятельности, которому удалось написать целую главу без знаков препинания. Я даже не стал объяснять ей, что у меня на клавиатуре запала клавиша запятой. Просто пришлось сказать, что я заботился о том, чтобы ей было не скучно без работы.

Отдельное спасибо художнику Борису Йоффе, который присылал мне на выбор такое количество рожиц и фигурок Генки Шишкина и других персонажей, что ими впору было бы населить небольшой город где-нибудь рядом с Кологривом.

Ну и, наконец, спасибо моим детям, первым слушателям и читателям этих историй. Во-первых, дочери, которая рас-

сеянно сообщила, что все это «прикольнo, особенно глава про женщин».

Когда я попросил разъяснений, выяснилось, что она, видимо, имела в виду эпизод со снежной бабой, которую Генка стукнул поленом по голове. И большое спасибо сыну, который тратил свое драгоценное время на переписку с издателем и другими подозрительными личностями.

Ну а посвящается (очень не люблю это слово, но другого нет) этот опус двум мамам – Екатерине Ефимовне Москвич и Валентине Артемовне Александровой.

1. Шишкин и Пушкин

Давно это было, ой давно. Учился я тогда в 5-м, или нет – в 6-м классе, то есть, когда в школе только-только начинают всерьез знакомиться с Пушкиным. И в нашем же классе учился Генка Шишкин, егозливый такой шкет, худой, маленький и очень вертлявый. Он был на год всех младше, и его поэтому трудовик называл сыном нашего класса. Ну, как сын полка вроде. А литературу преподавала Альбина Михайловна, женщина строгая и беззаветно любящая того самого Пушкина, Александра Сергеевича. Понятно, что сам поэт об этом не знал в силу того, что давно помер, а то бы не стал писать своего «Онегина». И еще потому, что Альбине Михайловне не повезло с юмором. С чувством прекрасного повезло, с Пушкиным тоже, а с юмором нет. Отсутствовал он у нее, и все тут.

Как-то задала она нам выучить отрывок из своего любимого «Онегина» и каждому выбрала разный. И это в шестом-то классе! Хотя Шишкину очень короткий достался, из восьмой главы. Строк на 10–12, начиная с «моя студенческая келья вдруг озарилась», а концовка хрестоматийная:

«Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.»

На следующем уроке всех спрашивают, и вот очередь дошла до Генки. Он кое-как доямлил до старика Державина, а дальше ни тпру ни ну – заклинило. Весь класс шёпотом подсказывает, но все вразной. Генка стоит и время от времени:

«Старик Державин... э-э...» – и дальше все.

Я с ним за одной партой сидел, и мне это надоело. Я ему и говорю: «...снег почуя, плетется рысью как-нибудь».

Генка меня услышал и радостно повторил:

«Старик Державин, снег почуя...» – и так далее.

Класс, конечно, засмеялся, а училка топнула ногой и выгнала нас за дверь.

Мы с Генкой быстро помирились, благо я был выше его на голову, и валандались вместе до перемены.

Через пару дней Альбина опять вызывает Шишкина читать отрывок. После нахлобучек от родителей и позора в классе Генка выучил наконец весь стих. Вышел к доске и довольно бойко стал рассказывать, а мне фигу по-тихому крутит. Дошел он до последних двух строк и, чувствуя, что победа близка, громко и с выражением произнес:

«Старик Державин нас заметил
И, в гроб зайдя, благословил.»

Училка просто онемела, а затем трагическим шепотом:

«Шишкин! Это же Пушкин! Ты соображаешь, что гово-

ришь? К кому зайдя?»

Класс укатывается, а Генка на автомате:

«Ну, к Пушкину зайдя!»

Потом понял, что не попал, и поправился:

«Ну, он там, наверное, не один был!»

Вот так у Шишкина с Пушкиным дружбы не получилось.

2. Живой труп

В нашем северном городишке градообразующими были три вещи – пушнина, рыба и лагерь для эков. К семидесятым годам последняя отрасль как-то захирела, но многие ссыльные прижились и стали просто жителями.

Среди них была Елена Никаноровна Гладышева (а может быть, Гладиллина, не помню), блиставшая по молодости в столичных операх, а потом загремевшая к нам. Ну, такое было время. Она-то и предложила к майским праздникам, к которым ученики нашей школы готовили концерт, поставить оперу. Дирекция согласилась, а так как в то время все зачитывались английским писателем Даррелом¹, то выбрали оперу «Тоска»² – как самую знакомую.

По соображениям идеологии все, что про любовь и Наполеона, сократили, оставив только борьбу с врагами. Получилось 30 минут. Но финальную сцену резать нельзя, без нее Тоска не Тоска. Напомню, в самом конце главная героиня, заколов кинжалом подлого мерзавца, понимает, что трудилась зря, и бросается с крыши замка. И разбивается. На смерть, само собой. В итоге все получилось как у Даррела и

---

¹ Известный английский натуралист, писатель. Здесь имеется ввиду эпизод из его книги «Моя семья и другие звери.»

² Опера итальянского композитора Джакомо Пуччини, по драме французского писателя Викторьена Сарду.

даже лучше.

На роль Тоски определили Олю Сазонову, девятиклассницу с пышными формами и насыщенным голосом. Оперную диву, короче. А наш физрук, Обливин Юрий Сергеевич, обеспечивал приземление. Действие все готовилось в спортзале. Прыгнула раз Оля Сазонова на репетиции на маты вниз и больше прыгать отказалась. Толи маты не сработали как надо, толи просто испугалась, но орала она истошно, и надо было срочно искать вариант. Решили, что на репетициях она падать больше не будет, а во время представления прыгнет дублер.

На роль каскадера выбрали Генку Шишкина из нашего класса. Он худой, вертлявый, как на шарнирах, ничего не боялся. Для участия в концерте его не допускали из-за плохого поведения, а тут такой шанс. В день торжественного представления Генку и диву Сазонову нарядили в одинаковые платья, и они пошли готовиться. Спортсмены соорудили пирамиду, затем хор спел «То березка, то рябина» и наконец финал – блиц-опера.

Поставили декорации, началось действие, и вот – заключительная сцена. Шишкин и дивная Оля лезут по двум параллельным лестницам позади фанерного замка, затем Оля поет, а Генка притаился рядышком. Наконец Тоска отталкивает негодяя Спалетту и прячется за башню. Настал звездный час Генки Шишкина! Он, подпернув юбки, как сиганет через фанеру вниз! Ура! Но что это? Вместо того чтобы со-

вершить нормальный суицид, Тоска, отскочив от земли, перелетает фальшивый барьер и плюхается перед зрителями на пол. Все ошарашены, только не Генка. Он приподнимает голову, обводит зал мрачным взглядом и говорит:

«Убилась я!»

Под овации Генку вынесли со сцены. А случилось вот что – наш физрук Обливин побоялся, что матов будет мало, и поверх них, на небольшой высоте, натянул старенький батут. Все было бы нормально, прыгни Оля Сазонова: батут бы амортизировал, а затем и маты бы сработали. А Генка был вдвое легче, его и выкинуло. И он стал звездой. Как сказал трудовик:

«Ну, Шишкин, твой труп в спектакле был как живой!»

А физрук добавил:

«Хорошо вжился в роль, хоть сразу на кладбище!»

И Генка решил побыть на гребне популярности подольше. Он стал чуть не каждый день падать со столов и стульев и притворяться мертвым. Вокруг собирались восхищенные первоклашки и прочая мелочь, и Генка был счастлив.

Так продолжалось до тех пор, пока не заболела наша историчка и ее подменила Маргарита Дмитриевна из первой школы (всего в городе было две школы – наша и первая). Она была не в курсе Генкиных выкрутасов и, когда зашла в класс, видит – мертвый Шишкин лежит, а вокруг первоклашки столпились. Маргарита Дмитриевна, как женщина решительная, Генку в охапку и в учительскую, а сама на телефон. «Скорая» прибыла через две минуты, и Шишкина на носилках запихнули в машину. А он в роль вошел и молчок. Но доктор с фельдшером калачи были тертые и симулянта раскусили на раз. Тем более что дети фельдшера в нашей школе учились и он был на концерте. Перемигнулись они и один другому:

«Ну, помер так помер, надо в морг, только перед этим клизму глицериновую нужно бы поставить, для лучшей сохранности».

И ловко так – шасть: штаны с Генки сдернули. Он понял, что переиграл, заорал и пулей из машины, она даже отъехать

от школы не успела. В общем, нашли Генку в туалете потом, надо же было ему штаны-то отдать.

3. Рюм

Пацаны любят хвастать. Особенно друг перед другом. Особенно если есть чем. А как можно выпендриться в 6-м классе? Мы, пацаны 6-го «А», выпендривались по-своему. Мы ловили птиц.

У нас была училка по биологии, Евгения Максимовна, и она, мало что была красивой, была для нас, пацанов, очень выгодной. Мы ей приносили пойманную птичку, она ее фоткала, а затем отпускала. А потом уже, после этого, она раскрашивала снимки цветной ретушью³, и птичка получалась прям как на картинке. Ну, а нам по пятерке. А если птичка редкая, то и за четверть можно пять огрести.

И вот как-то раз поймал Генка Шишкин рюма. Тут мы опять не постесняемся объяснить, кто такой Генка, ну и заодно кто такой рюм. Генка – это любимец класса, шепутной и хулиганистый пацаненок, а рюм – это птица птиц. Полярный жаворонок. Северный король пернатых.

Для того чтобы поймать птичку, мы клянчили у конюхов конский волос и плели петли. В общем-то, все просто: установил петли, насыпал приманку, а потом лотерея – кто попадет. И Генке выпала удача, да какая – попался рюм! Красавец на загляденье – черные хохолки на голове, как рожки

---

³ Раскрашивание чёрно-белых фотографий цветными красками.

у чертика, лимонная грудка, крылья мощные с палевыми отметинами. Зверь, а не птица.

Генка, осторожно подвязав маховые перья, сунул рюма в коробку из-под обуви и принес ее в школу. Биология была вторым уроком, после литературы, и Шишкин коробку положил под учительский стол, а для тяжести придавил ее классным журналом.

Раздался звонок, все разбежались по местам, и вошла Альбина Михайловна, наша литераторша. Она кивком разрешила классу сесть и прошествовала к учительскому столу.

Сказать, что Альбина любила классику, значит ничего не сказать. Она жила ею, просто боготворила и поэтому носила пенсне, как у Чехова, высокую прическу и длинное, до пола, темное платье. Сразу замечу, что Альбина Михайловна была не замужем и, похоже, даже гордилась этим. Короче, образец классной дамы, которая решила всю себя отдать детям и литературе.

Не обнаружив на столе журнала, Альбина чуть присела и, держась за стол, подняла журнал, лежавший на коробке.

«Опять непорядок!» – только и успела сказать наша училка, как случилось непредвиденное.

Дело в том, что рюмы, как и все жаворонки, взлетают вверх вертикальной свечой. Такая уж у жаворонков особенность. И наш рюм не был исключением и выстрелил из коробки, как ракета. Вот только момент для побега он выбрал не самый лучший. Так уж вышло, что, присев, Альбина на-

крыла коробку длинной юбкой и вертикальный взлет пришелся прямо в подъюбочное пространство.

Альбина Михайловна резко выпрямилась и сделала квадратные глаза. В полной тишине аудитории было слышно, как под юбкой классной дамы, раз за разом, птица улетает в зенит. Прошло несколько мгновений, и неожиданно Альбина прошептала:

«Кто это там?»

Затем вдруг ее глаза сначала округлились, а потом и вообще стали покрываться легкой поволокой. Рюм с определенной частотой атаковал училкины панталоны и щекотал под коленками мягкими крылышками. Этим он довел Альбину до радостного испуга и она вдруг стала нервно хихикать. Как говорил потом наш трудовик, барышня чуть не поплыла и едва умом не тронулась.

Но Генка Шишкин не знал, куда трогаются и отплывают литераторши, и ему поэтому было не до страданий старой девы. Ему нужно было спасти птицу и пятерку по биологии, и он бросился прямо вперед, то есть под юбки остолбеневшей Альбины. Та стояла разинув рот, а между ног у нее продолжалась борьба. Матерчатыми сполохами отмечались движения пернатого, и временами доносились сдавленные фразы типа:

«Врешь, не уйдешь!»

Наконец из-под складок материи выбрался взъерошенный Шишкин и, прижав к груди спасенную птицу, мелкими пе-

ребожками пробрался на свое место. Альбина, не сказав ни слова, пулей выскочила приводить себя в порядок, а мы стали пытаться Генку на предмет ощущений. Он сидел с задумчивым лицом и наконец тихо сказал:

«У нее там все в кружевах, – а затем обвел нас всех глазами и добавил: – Как в музее!»»

4. Фисюк и велосипед

В ту пору вьюги были злее, морозы крепче, а брови у Брежнева, руководителя нашей страны, гуще и чернее всех в мире. Но мы были детьми, и нам все это было по фиг. Нам, ребятне из крошечного северного городка, было в удовольствие взрывать пороховушки⁴, грызть брикеты прессованного какао, которые все называли какавками, и играть на улице. Но если последнее развлечение было абсолютно бесплатным, то для первых двух нужны были деньги.

И каждый из нас зарабатывал как умел. Самый незатейливый и надежный способ – это ловля куропаток. Просто берешь молочную бутылку, горсть квашеной капусты и идешь ловить.

Вот так же делал и Генка Шишкин, пока ему на пути не повстречался страшный Фисюк. Это случилось после затяжной пурги, когда наст⁵, то есть корка на снегу, крепчает и толстеет. Идеальное время для ловли. От Генкиного дома до школы – километра полтора узенькой тропки, и вдоль нее он бутылкой наделал десяток вертикальных норок и накрошил туда капусты.

Глупые куропатки обычно забирались в узкое отверстие

---

⁴ Самодельные взрыв-пакеты из бумаги с небольшим количеством пороха.

⁵ Наст – слой плотного снега, достигающий толщины до 40 см, за счет ветрового уплотнения.

и дальше ни вперед, ни назад. Так и замерзали в ловушках. Генка делал это «сто тысяч раз» и теперь, после сильной пурги, ожидал большого урожая. Потом можно будет сдать улов в лесхоз, где за каждую куропатку давали 10 копеек, и стать богачом.

Идет Генка из школы, мечтает о капитале и вдруг видит – навстречу идет Фисюк. Пьянчуга из пьянчуг, которых здесь, на северах, называют бичами и за людей не считают. Они нигде не работают. Напьются, залезут в теплотрассу и спят там в обнимку с трубой и крысами. Питаются же чем бог послал, то есть на помойках. Итак, идет Фисюк и время от времени наклоняется к Генкиным ловушкам. И выдергивает оттуда куропаток.

Генка рассвирепел – по неписаному закону севера из чужой ловушки достать добычу не может никто, даже родители. Это же честно заработанные куропатки! И он бросился на Фисюка:

«Отдай, гад!»

А тот, здоровый, вонючий, пнул Генку с тропки и дальше потопал. Зря он это сделал. Мсть Генки Шишкина была жестокой и быстрой.

В тот же вечер Фисюк напился и залез в теплотрассу. А Генка, взяв фонарик и газету «Известия», отправился мстить. Морщась от вони, почти наощупь он отыскал Фисюка в тесной берлоге из стекловаты и старых мешков. Затем, чуть не задохнувшись, он стянул с бича валенки и послед-

ним усилием размотал драные портянки. И вот настал миг расплаты.

Генка решил сделать обидчику «велосипед». Это когда между пальцами ног спящему вставляются полоски бумаги и поджигаются. Жертва этой экзекуции почти сразу начинает сучить ногами – так, словно крутит педали. И Фисюк стал делать тоже самое. Пламя, конечно, сразу погасло, но он с перепугу закричал и вдруг двинулся вглубь деревянного короба.

На севере тепло гонят по трубам, которые обматывают стекловатой и укрывают дощатым коробом, поверх которого люди ходят как по тротуару. Как Фисюк передвигался там – уму непостижимо: зазор между досками и трубой сантиметров 30, но бичара лез вперед и вперед, пока не пролез весь пролет теплотрассы до следующей будки. А это метров сто, если не больше.

Поверху шли пешеходы и с недоумением прислушивались к вою и матеркам из-под заснеженного настила. После этой истории теплотрассу у нас в городке стали называть метрополитеном имени Генки Шишкина.

А Фисюк после этого пошел в кочегарку работать. И тепло, и выпить можно на заработанные деньги. Вот так Генка победил безработицу в нашем городе.

5. Пи

Геометрию у нас вела тогда Антонина Харламбиевна, женщина незаурядная и обаятельная. Страстная натура. Она любила математику и полярных летчиков. В дневные часы она отдавала всю свою пылкость и страсть алгебре и геометрии, а по вечерам делала тоже самое с пилотами малой авиации. И все ее любили. Дети за острый ум и индивидуальный подход, родители за то, что их чада щелкали задачки, как орехи, а летчики за то, что нам, детям, было неведомо.

Но не подумайте плохого, просто математика была величиной постоянной, а летчики нет. Они прилетали и улетали. А замуж всем хочется, так по крайней мере говорила моя мама.

Итак, 6-й класс, урок геометрии, тема – «Свойства окружности». Антонина лихими движениями деревянного циркуля рисует круги на доске, безжалостно рубит их диаметрами пополам и наконец выписывает мелом букву «пи».

«Это число еще в древности называли магическим, – проникновенно начинает учительница, – и равнялось оно...». Здесь Антонина Харламбиевна перевела дыхание и продолжила:

«Только, дети, не надо смеяться! Три целых четырнадцать сотых».

И пишет число на доске. Весь класс разом загоготал. Дело

в том, что у нас на севере число 3.14 действительно было магическим и его знали все, включая бродячих собак. Столько стоила водка в городских магазинах. На Большой земле цена была другая, а у нас, с северной наценкой, ровно 3 рубля 14 копеек. И все бытовые расходы были кратны этой величине – нарубить поленницу дров, привезти глыбу льда для воды или прокопать снежный тоннель до туалета на улице. За все платили водкой или патронами для мелкокалиберной винтовки. Но водкой лучше, потому что патроны нужны только на охоте, а водка всегда.

Ну, это отступление, а дальше началось то, что у Генки Шишкина из нашего класса испепелило весь разум. Оказывается, число «пи» бесконечно! Раньше любое число можно было сосчитать – например, количество штакетов в заборе или щенков у сучки Пальмы, а теперь вот бесконечность, и все.

Ну никак в лопухой и веснушчатой голове Шишкина такое не могло уместиться, как бы ни хотело. Ошалевший Генка после школы молча брел домой, придавленный мистическим числом и парой двоек по русскому. Да что там двойки! Двойки можно исправить, а вот бесконечность – это да!

И Генка решил найти консультанта. А как и где найти специалиста в нашем городке, где одни плотогоны да рыбаки?

Как где, да летчики же прилетели!

И Генка побежал к аэродрому. Он начинался сразу же за его домом, да и заканчивался там же. Укатанный кусок тунд-

ры, шест с ветровым колпаком да бревенчатый барак с печными трубами – вот и все летное хозяйство.

Генка вбежал в гостиницу – так важно назывался барак – в тот момент, когда летчики разливали водку по стаканам. Занимался этим штурман Володин, который был у нас второй раз и считался за своего.

«Володин! – закричал Генка с порога. – Что такое число „пи“?»

Штурман чуть не поперхнулся:

«Это кто же тебя таким словам научил?»

Генка захлеб рассказал про урок, и летчики переглянулись.

«Ну, Шишкин, смотри. Видишь, бутылка, – летчик встряхнул водку под носом у Генки, – и стоит она, как ты знаешь, три четырнадцать. И если разлить ее по стаканам, сколько будет стоять разлитая водка?»

Генка не задумываясь сказал сколько, то есть три рубля четырнадцать копеек.

«А вот теперь смотри, Шишкин. Я бутылку опять в стакан переворачиваю, и капли падают. Правильно?»

Штурман ловко перевернул пустую бутылку и сцедил несколько капель в каждый стакан.

«А теперь сколько стоит водка в стаканах? Дороже?»

Генка аж вспотел от страшной догадки и только потрясенно произнес:

«Дороже!»

Штурман же в свою очередь крикнул от гордости:

«И вот так можно выжимать до бесконечности! Вот что такое число „пи“!»

Летчики чокнулись, выпили, и тут Володин попросил Генку передать нашей математичке записку.

«Тут примерчик один, ей решить будет просто».

И пишет на листке формулу:

«2 пи плюс 1 ш плюс 1 к =20:00».

И если Генка принесет правильный ответ, то ему будет разрешено залезть в пилотскую кабину.

Генка аж задохнулся от радости и на следующий день рванул как пришпоренный в школу и шмыг в учительскую!

«Антонина Харлампиевна, вот вам задачка от штурмана Володина! Только решите правильно, а то он меня в кабину не пустит!»

Математичка вся покраснела, смутилась, но записку взяла.

«Тут у твоего друга в задаче избыточные условия, а надо вот так».

Берет и зачеркивает 2 «пи». И отдает записку.

Генка расстроился и после школы шел к аэродрому, жалобно шоркая ногами. К его удивлению, штурман Володин сказал, что это самый правильный в мире ответ, и пустил Шишкина в кабину. А вечером, ровно в восемь часов, Генка увидел, как штурман, весь при параде, держа в руках шампанское и коробку конфет, прошествовал в домик к матема-

тичке.

А потом началась пурга. Она клокотала две недели, а за ней наступило затишье. Генка вышел во двор и увидел, как улетает самолет штурмана Володина. А по весне и Антонина улетела, и геометрию у нас стала вести другая училка.

6. Шишкин и фантомас

Это сейчас говорят: «В кино все возрасты с попкорном», а тогда мы даже слов таких не слыхивали. Париж, попкорн и посудомоечная машина были для нас, пацанов из Заполярья, понятиями нереальными и далекими, почти космическими.

Хотя космос был ближе, там были наши люди – Гагарин, Терешкова, да и на Марсе вот-вот должны были зацвести советские яблони. А Париж был только в кино. Там по нему бегал Фантомас и дурачил комиссара Жюва. «Пежо»⁶ гонялось за «Рено», по пути разбивая в хлам всякие «Ситроены». Эйфелева башня торчала где-то возле школьной кочегарки и отражалась в очках у Мухи, то есть Ромки Мухамаддеева с третьей парты.

А напротив Парижа, в первом ряду кинотеатра «Полярный», сидели мы, пацаны из 6-го «А», и щелкали семечки.

Внезапно комиссар Жюв сказал:

«Бертран, а направьте-ка на меня свой пистолет».

А затем поднял руки и вдруг закричал:

«Ха-ха! Руки вверх!»

И весь 6-й «А» в одном порыве задрал руки, потому что из середины туловища комиссара вдруг вылезла третья рука с пистолетом.

---

⁶ «Пежо», «Рено», «Ситроен» – марки французских автомобилей.

Вот это был фильм! Мы толпой вывалили из кинозала на мороз и, пинками разгоняя бродячих собак, продолжали идти по Парижу.

Когда я вернулся домой и стал взахлеб рассказывать маме про Фантомаса, в дверь постучали. Это был Генка Шишкин из нашего класса. Он, просунув голову, таинственно прошептал:

«Проволка есть? Хочу сделать третью руку!»

Генка, хоть и был штатным двоечником, иногда соображал удивительно здорово. Действительно, если согнуть проволоку буквой «П» и вставить в пальто так, чтобы перекладина легла по плечам, а концы в рукава, то все должно получиться.

Я загорелся Генкиной идеей. Сначала мы нашли бухту стальной проволоки рядом со столбом линии электропередач, но она оказалась тонкой и легко гнулась.

Тогда мы с Генкой притащили лестницу и залезли на самый столб. Там, ниже электропроводов, был закреплен кабель в синей изоляции толщиной с мамину скалку. Вот это было то, что надо!

Мы топором обрубили кусок кабеля и пошли к Генке делать третью руку. Генкино пальто оказалось слишком мало, и пришлось взять черный отцовский демисезон. Рукава подогнули, чтоб не болтались, а в один напихали тряпок, чтобы не казался пустым, затем вставили П-образный кусок кабеля, и Генка надел на себя всю конструкцию.

Получилось даже лучше, чем у комиссара. Генка поднял правую руку – поднялась и левая, и затем между пуговиц на полах пальто вылезла третья – с деревянным пистолетом. К левой руке мы приделали черную отцовскую перчатку, и стало вообще натурально. Хоть в кино снимайся. Было поздно, и мы разошлись по домам, договорившись идти в школу вместе.

Зимой у нас полярная ночь, и поэтому утром было темно и морозно. Генка уже ждал меня на тропинке. Освещенный фонарем, на белом снегу в черном, не по размеру, пальто, он смотрелся, как таракан в твороге: неожиданно и тревожно.

Около столбов ковырялись какие-то люди, но нам было не до них. У нас была третья рука! Генка шел с перекосившимся левым плечом, и мне пришлось тащить его ранец.

Мы пришли раньше всех, но Генка не стал раздеваться, а ходил в пальто по классу, время от времени поднимая руки. Они торчали вверх прямые, как оглобли у троллейбуса, и казалось, что все работает без сбоев.

И тут в класс входят сразу несколько учеников. Первой, сжимая стопку учебников, шла Оля Сазонова, пионервожатая из девятого класса. Ну, ей и не повезло. Генка, побледнев от волнения, с горящими глазами, направился прямо к вожатой и замогильным голосом сказал:

«Стой, Сазонова!» – и поднял руки вертикально вверх.

Сазонова остановилась, ничего не понимая.

«А направь-ка на меня свой учебник по математике, Сазо-

нова!» – мрачно сказал Шишкин. Пионервожатая инстинктивно протянула ему учебники.

«Руки вверх, Сазонова!» – страшным голосом произнес Генка, и у него прямо из живота вылезла третья рука с деревянным пистолетом.

Сазонова, словно отработывала это долгие годы, четким движением учебников обезвредила сначала пистолет, а затем и Шишкина. Она визжала и била Генку стопкой книжек так, что Шишкин выскочил из пальто, и оно осталось лежать на полу с поднятыми руками.

На шум прибежал директор, Хурсенко Пал Василич, по кличке Хурся. Он-то и обнаружил кусок кабеля в брошенном Генкой демисезоне.

И вот тут-то и случился настоящий скандал. Оказалось, что кабель, который мы обрубали для третьей руки, шел к секретной воинской части, расположенной недалеко за городом. Это место принято было называть «Площадкой», и там служили какие-то космические войска.

В общем, как сказал Хурся, мы с Шишкиным чуть не продырявили воздушный щит Родины.

7. Любовь и веники

Для того чтобы смотреть в телескоп, надо изучать астрономию. А чтобы изучать астрономию, нужно быть девятиклассником. Это непреложное школьное правило очень расстраивало Генку Шишкина.

Во всем нашем крохотном заполярном городке был только один телескоп, и стоял он в научном кабинете нашей школы. Смотреть в него разрешалось лишь ученикам старших классов, а наш 6-й «А» в это число никак не попадал. И тут вдруг такая удача! Впрочем, начиналось все гораздо хуже.

Вот, казалось бы, что такого? Принес Генка лемминга⁷, северного хомячка, в класс, а он раз, и сбежал.

Генка же не виноват, что училка по химии такая нежная. Крыса, крыса! А он – лемминг! А девчонки, дуры, на парты залезли. А лемминг – он добрый и кусается, только когда в него учебниками кидаются. Короче, урок по химии был сорван, лемминг сбежал в дыру под батареей, а Генку оставили на дежурство, полы мыть.

Все убежали домой, а он взял ведро с тряпкой и пошел за водой. И тут-то – вот она, удача-мама! Дверь в научный кабинет была открыта!

То есть она была чуточку приоткрыта, а значит, не запер-

---

⁷ Лемминг или полярная пеструшка – северный грызун отряда хомяков черно-рыжего цвета.

та. Всегда наш физик, Бронзиков Лев Наумыч по прозвищу Бронзулет, запирали ее на ключ, а вот сегодня забыл. К слову, в нашей школе был только один кабинет, но сразу по всем наукам. Тут стояли в шкафу скелет без нижней челюсти, колбы с пробирками по химии, громадный, как земной шар, глобус и, конечно, телескоп.

Генка осторожно приоткрыл дверь и заглянул в сумрак храма науки. Никого. Он, стараясь не брэнчать ведром, вошел и на цыпочках, аккуратненько пробрался к телескопу. Здесь он засунул ведро под стол и уселся на высокий табурет. Роста ему не хватало, и пришлось встать на коленки. После этого он заглянул в окуляр.

В телескопе в полный рост стояла голая Лерка Малюткина со второй парты, только почему-то кверху ногами. Генка аж вспотел от неожиданности. Он-то думал увидеть миры и туманности, на худой конец хотя бы Луну, но Малютину, да еще в голом виде!

Но какая же она была красивая! Особенно вверх ногами!

Генка слетел с табуретки и уставился в окно. Научный оптический прибор был нацелен четко на единственную в городе баню, а точнее на ее второй этаж, где располагалось женское отделение. Ай да Бронзиков, ай да сукин сын, сказали бы вы. Но не Генка. Ему, ученику советской школы, даже в голову не пришло так думать об учителе.

Он просто опять влез на табурет и припал к окуляру. Малютину больше не показывали. Там в перевернутом состоя-

нии чесала голову толстая продавщица из гастронома, неинтересная и красная, вся в мыльной пене.

Генка попытался сдвинуть изображение, но телескоп – штучка тонкая, и настройки враз сбились. Генка попытался пошевелить прибор, но ничего, кроме перевернутого темного забора, не увидел. И тут он услышал шаги. Кто-то шел по коридору. Наверное, физик! Генка заметался летучей мышью по кабинету, наконец шмыгнул в шкаф к скелету и затаив дыхание присел.

«Скелетик, миленький, только не выдавай, он же нас обоих убьёт!» – неслышно бормотал нелегальный астроном.

Дверь отворилась, и голос технички Фаины произнес:

«Ого, а научный-то открыт! Ой, не порядок! Пойду-ка за ключами».

Дверь хлопнула, и осталась только тишина. Генка вылетел из шкафа с загремевшим скелетом и, сверкнув в темноте ведром, как метеор в ночном небе, промчался по кабинету. Все, можно больше физика не бояться!

На следующий день Генка все уроки задумчиво смотрел на вторую парту, а после школы пристроился шагать возле Малютиной. Лерка удивленно разрешила ему идти рядом, и некоторое время они молча топали по скрипевшему снегу.

«Лера, а ты красивая, а сейчас зима...» – начал Шишкин и замолчал.

«Ну и что?» – пожала плечами Малютина.

«Зима сейчас, цветов-то нету», – Генка опять замолк.

«Ну и что?» – уже с выражением спросила Лерка.

«Вот, возьми. Я в кладовке стянул! – Генка расстегнул ранец и достал большой березовый банный веник – В кипятке запарить, он весной запахнет!»

8. Французский фрукт

«Генка, слышь, у Самсонова папка во Франции был, привез оттуда ананас! Настоящий!»

Наши головы почти стукнулись лбами над партой. Генка смотрел на меня расширенными глазами. Ни он, ни я никогда не встречались в нашей жизни с ананасом.

«Да ты что! А какой он, волосатый?»

«Да откуда я знаю, я ж его не видел».

Шел урок географии, и наша географиня тыкала указкой в Европу в поисках полезных ископаемых. Ее звали Любовь Андреевна. Высокая, тощая, в громадных очках, она была похожа на страусиху, у которой не удалась жизнь. Каркающим голосом, устало и занудливо она рассказывала про какие-то залежи, и нам было не до нее.

«Точно волосатый, как грузин, я в одной книжке читал, – авторитетно прошептал Генка. – Помнишь, к нам в прошлом году грузин приезжал? Так у него волоса́ везде были, даже на спине, я в бане видел. Наверное, они все ананасы едят!» – последнюю фразу Генка произнес громким шепотом, и мы все-таки стукнулись лбами.

«А вот сейчас нам Шишкин и расскажет, какие полезные ископаемые есть во Франции!» – вдруг раздался над нами голос географини, и мы с Генкой, синхронно сложив руки, вытянулись в струнку. Генка испуганно вскочил, и учитель-

ница, склонившись над ним, как орлица над орленком, придвинула свои немигающие очки к испуганным глазам Шишкина.

«Повторяю вопрос!» – прокаркала страусиха.

В Генкиной голове судорожно металась обрывки знаний, но ответ не складывался. Во Франции жили Фантомас и мушкетеры, там в замке томилась нержавеющая Железная Маска и Анжелика соблазняла шоколадом короля. Ну откуда во Франции могут быть полезные ископаемые?!

«А вот Самсонов... Ведь твой отец был во Франции? Вот Самсонов нам скажет правильный ответ!» – учительница победоносно прошагала к доске.

Сережу Самсонова мы не любили. Он хотел казаться своим и качал мускулы гантелей. А когда он знакомился, то говорил: «Сергей, кличка Самсон». Но его папа был директором базы, и у него все было. К тому же он был отличником и чистюлей и вообще – ходил в музыкальную школу. Так что мы его называли Самсонькой.

Самсонька вышел к доске и обстоятельно рассказал про коксующиеся где-то на юге Франции угли, про нефть и залежи фосфатов и даже про Лотарингский бассейн, в котором вместо воды почему-то была железная руда. Ну что с него взять. Отличник – он и есть отличник.

Хотя после уроков мы все же напросились к нему смотреть на ананас. Самсонька был счастлив и болтал с нами как равный с равными. А мы ему и не мешали. Все-таки такое

событие – ананас в нашем городишке не каждый день бывает. На Новый год нам обычно вручали по мандарину в блестящей фольге да иногда в гастроном привозили яблоки с Большой земли. Вот и вся экзотика.

И ананас не подкачал. Он был похож на громадную кедровую шишку, а на голове у него пучком торчали листья, похожие на листки лечебного алоэ, которое росло на окне у технички Фаины. Пах он заморским одеколоном и Францией, и в мозгу у Генки возникло таинственное и красивое слово – *помпиду*. Что это такое, он не знал, я тоже, но оно очень подходило к ананасу. Мы уважительно трогали колючие бока тропического плода и втягивали носами волшебный аромат.

Самсонька пытался развлечь нас игрой на пианино и какими-то заморскими диковинами, и все мальчики нашего класса вежливо ходили по пушистым коврам, трогали пальцем дорогой музыкальный инструмент и смотрели друг на друга через хрустальные вазы. Только Шишкин сидел на кухне около ананаса и взглядом пытался проникнуть внутрь. Они даже разговаривали. Наконец пришло время говорить «до свиданья», но Генка попрощался только с ананасом. Мы вышли на мороз и разошлись по домам.

На следующий день первым уроком была литература, и Альбина, наша литераторша, задала тему «Мое любимое произведение». Каждый должен был рассказать о своей любимой книжке, то есть перечислить главных героев и вкратце изложить сюжет. Мы по очереди вставали и рассказывали.

Я про Шерлока Холмса, Малютина про Жанну д'Арк, кто-то еще про пиратов и Отечественную войну. Самсонов, как всегда, чтобы выпендриться, сказал, что ему нравится Стендаль. И вот наконец настал черед Генки Шишкина.

«Ну, а теперь Шишкин. Какая твоя любимая книжка?» – Альбина ласково посмотрела на Генку.

«Три мушкетера!» – выпалил Генка и вскочил, вытянувшись, как выстрел из ружья.

«Молодец Шишкин! Только крышкой так хлопать не надо. А кто автор?» Учительница аж расцвела. Можно же и Шишкину когда-нибудь поставить пятерку!

«Александр Дюма!» – гаркнул Генка, стоя, как мушкетер на параде.

«Отлично, Шишкин! А теперь перечисли главных героев романа». Альбина цвела, как майское дерево.

Теперь уже весь класс затаился, понимая, что ожидается историческое событие – первая пятерка Генки Шишкина за всю учебу в школе! И Генка, на секунду превратившись в капитана Де Тревиля, выпучив глаза, по-военному отчеканил.

«Атос! Портос! Арамис! И Ананас!»

Ну, вы сами все понимаете...

9. Грамулечка

Нас каждую осень пугали перегонщиками. Обычно моя мама, всегда веселая и ласковая, в этот день приходила с озабоченным лицом. Перегонщики сбежали! Она хмурила брови и тревожно вглядывалась через окно в соседский забор. Там у забора в будке лениво чесалась собака Пальма, но перегонщиков там не было. Тем не менее всю детвору нашего полярного городка рано загоняли домой и заставляли делать уроки. Наверное, в дни побега успеваемость в нашей школе поднималась в разы.

Перегонщиками называли заключенных, которые гнали плоты по Большой Реке: тяжелые и черные связки бревен с игрушечными домиками в конце и посередине. Нам они казались страшными лохматыми дядьками с острыми ножиками в оскаленных зубах. В руках у них был большой кнут, которым они перегоняли непослушных детей из угла в угол.

Но потом всё успокаивалось – толи их ловили, толи они сами убегали куда-то на Большую землю, нам это было не важно. Главное, что опять можно было играть в войнушку, мушкетеров, пиратов или в футбол.

Затем наступала зима, а вместе с ней и полярная ночь. Легким сумраком, часа на два в полдень, солнце давало знать, что еще не умерло окончательно, а после этого опять наступала темнота. А потом был Новый Год и во всех домах

ставили елки.

В этот раз Генку Шишкина послали за елкой одного. Он взял острый топорик, пару бутербродов с оленьей колбасой, надел лыжи и отправился на юг к реке Шаманке, где в низинах по берегам рос приличной высоты ельник. Для пацана из шестого класса смотаться на лыжах – час туда, час обратно – не расстояние. Даже в охотку. Генка бежал легко, скользя по плотному заветренному насту, иногда сбавляя скорость в ложбинках, где намело свежего снега. Вот и Шаманка. Речка кривлялась упругими извивами между холмов, и здесь тундра закончилась. Сразу стало идти тяжелее, наста уже не было, и Генке пришлось потрудиться, чтобы найти елку, какую хотелось: высокую и пушистую.

Вокруг стояла звенящая тишина и стало почти светло. Полдень. Где-то недалеко вспорхнули куропатки, и вдруг Генка почувствовал запах дыма. Легкий, как пушок, аромат коснулся его носа и исчез. Значит, он здесь не один. Вот интересно! Генка скользнул на лыжах по линии ветерка, и снова воздух пахнул костром. Минут через пять он обнаружил источник. Из-под наклоненной елки, прямо на береговом откосе, который завалило снегом, вился гнутый, чуть заметный дымок. Генка съехал вниз и у подножья нашел замаскированный снежными кирпичами вход. Вот это да!

«Наверное, Робинзон», – сказал Генка.

Ну не медведь же будет костер разводить! Его не смущало, что полярный берег речки Шаманки и необитаемый тро-

пический остров далеко не одно и то же.

«Я буду ему Пятницей, – подумал Генка и толкнул кирпичи. – Или наоборот».

Снежные прямоугольники обвалились внутрь, и из дыры полыхнуло светом. В центре довольно большой пещеры, сверкающей обледенелыми стенами, горел крохотный костерок. Сбоку в нише, уложенной еловым лапником⁸, сидел закутанный в песцовые⁹ меха человек и, грустно моргая, смотрел на Генку.

«Ты Робинзон?» – восхищенно спросил кандидат в Пятницы у человека.

«Я неудачник», – горько вздохнув, ответил Робинзон и бросил сучок в костер.

«Не-у-дачник?..» – растерянно и удивленно протянул Пятница, оглядывая великолепие ледяной пещеры. Он недоверчиво пощупал искрящийся хвост песка на плечах человека и покачал головой. Что-то показалось ему знакомым в фигуре и лице отшельника, и он придвинулся ближе.

«Да-да, дачник-неудачник», – подтвердил Робинзон и опять вздохнул.

«Грамулечка! – ахнул Генка. – Это ты?»

«Это мы!» – кивнул Робинзон.

---

⁸ Лапник – части еловых ветвей нижней части кроны, которые срезаются посередине ветки.

⁹ Песец – северный пушной зверек отряда псовых. Бывают два вида – белые и голубые.

«И сколько вас?» – Генка опасно осмотрел пещеру. Больше никого не было.

«Раз!»

«Точно! Грамулечка! Как ты сюда попал?»

Грамулечку в городке знали все. Он любил говорить прибаутками и шутками и мог починить все что угодно – от заводного Генкиного паровозика до лодочного мотора. Он был бесконвойником, то есть заключенным, которого отпускали из лагеря в городок на несколько часов. Хозяйки его обожали и ходили к лагерным начальникам заказать персонально Грамулечку. Они говорили, что он на все руки мастер, и Генка, впервые его увидев, всерьез думал, что рук у него намного больше, чем две.

«Как попал, так и пропал! Ты дверь-то заложи, выветришь. Холод да голод – не в квасе солод¹⁰, не натопишься. Вот так-то, малый».

Он достал деревянную трубку, вставил ее в бороду и стал вылитым Робинзоном Крузо. Генке даже померещился попугай на плече, хотя он знал, что в тундре они не водятся.

«Перегонщик я, беглый, так что ты меня чурайся. Плоты штормом разбило на реке, все потопли, а может и нет, а меня вынесло. А потом ханты¹¹ подобрали, помогли. И вот здесь я, живу пока, пролеживаю бока».

Грамулечка – перегонщик! Вот это номер! Генка смотрел

---

¹⁰ Ячменный продукт без которого невозможно приготовить квас.

¹¹ Ханты – народность на севере Сибири.

на него во все глаза и не мог поверить. Конечно, Грамулечка зарос до бровей, но был он совсем не страшным, а грустным и как будто обиженным.

«Перегонщик! А ножик у тебя есть?»

«Да есть, вот, возьми, если надо», – он протянул Генке дешевый складничок с пластмассовой ручкой.

«А кнут?»

«Кнут? Нет, кнута нет. Ни кнута, ни пряника – сперли все карманники. Ты есть-то хочешь?»

Генка сказал, что у него бутерброды и он не прочь составить компанию. Грамулечка оживился:

«Бутерброды? С хлебом? Слушай, малый, а давай меняться! Я тебе песца-молодца, вот этого, с серебряной искрой, а ты мне хлеба!»

Генка посмотрел в просящие глаза перегонщика и протянул ему весь свой обед, но от песца отказался. Грамулечка ел аккуратно, хотя было видно, как он соскучился по нормальной еде.

«Ну, пора тебе, малый, темнеет уже. А темнота как хворота – наступит не уступит. Да и мне пора со двора, запылилась нора!»

Каким-то шестым чувством Генка вдруг понял, что если он сейчас уйдет, то никогда больше не увидит Грамулечку. Ему стало жалко этого маленького человека с его грустной улыбкой, его прибаутками и несуществующим попугаем на плече.

«Слушай, Грамулечка, ну куда ты пойдешь, тундра кругом, зима. К тому же ночь. Давай лучше играть, я о тебе никому не скажу, даже классной руководительнице. Ты будешь Робинзоном Крузо, а я твоим Пятницей. Я тебе еще хлеба принесу!» Генка увидел, что перегонщик заколебался, и поспешно добавил: «И водки!»

«Ну, если только одну грамулечку! – смущенно пробормотал беглый зэк. – Ладно, потом посмотрим... Кобзоном или Робинзоном, только б не на зону. Да и Крузо иль Карузо¹² – лишь бы есть от пуза! Беги давай, Пятница!»

Генка выскочил из пещеры и увидел, что сумерки уже превращались в фиолетовый кисель, за которым маячила полная темнота. Он стремглав понесся домой, забыв и про елку, и про Новый год. Теперь у него была его собственная тайна. Он стал Пятницей!

---

¹² Энрике Карузо – великий итальянский оперный певец начала 20-го века.

10. Похитительница волос

В тот день на входе стояла сама Белла Ивановна Пуговкина. Она была завучем нашей школы, но даже родители звали ее Завчихой. Наверное, когда-то она была не лишена привлекательности, потому что успела заморить трех мужей, но то время прошло. Теперь она, кривоногая и пузатая, как кегля, отыгрывалась на нас. Она совала нос во все мелочи, и как-то наш трудовик брякнул в сердцах, что она каждым чихом заведует. И тут все сразу поняли, что она Завчиха. Навсегда.

Моя мама жалела ее и называла вдовицей, но мы-то знали, что никакая она не вдовица и не вдова даже, а вдовища. То есть вдова-чудовище!

Но вернемся ко входу, где стояла суровая Завчиха с металлической линейкой и двумя комсомолками по бокам. Они мерили волосы. Почему-то все мальчики нашей школы, кроме старшеклассников, могли отращивать волосы не длиннее 5 миллиметров. Это касалось любой точки головы, кроме чуба.

Входная дверь хлопала, обдавая грозный заслон морозным паром, и комсомолки хватали очередную жертву. Завчиха производила замеры, и жертву либо миловали, либо отправляли домой стричься. Амнистий не было.

И тут входим мы с Генкой. Комсомолки хищно зафиксировали нас, хотя Генка и пытался скрыться в тумане. И ему

было чего бояться. Мои волосы были на грани, а вот Шишкин попал. Он преступил запрет на 3 миллиметра!

«Ученик! Как фамилия?» – хотя Завчиха прекрасно знала Генкину фамилию.

«Шишкин!» – пискнул Шишкин, с мольбой и страхом глядя по сторонам.

«Ученик Шишкин, твои волосы почти достигли сантиметра! – сказала она таким тоном, что стало ясно: после сантиметра – только расстрел.

«Марш домой!»

И Генку выставили за дверь.

Перед вторым уроком дежурные выгнали всех учеников в коридор и открыли форточки, чтобы проветрить класс. Наконец раздался звонок, и мы гурьбой влетели в свежее помещение. Все парты были пусты, и только за одной сидел Шишкин в шапке. Ученики торопились занять свои места, и лишь Ромка Муха спросил у Генки, почему тот сидит в шапке.

«Не твое дело, очкарик!» – огрызнулся Генка.

Я торопливо уселся рядом с ним и, покосившись на шапку, спросил, как он, ничего? Генка не глядя буркнул, что нормально, и тут вошла наша математичка, Антонина Харлампиевна. Все встали, и она взмахом показала – садитесь. Повернувшись к доске, она стала развешивать методические пособия, но вдруг повернулась и спросила:

«Шишкин, а ты почему в шапке?»

Генка встал и молча продолжал смотреть прямо перед со-

бой. Антонина была женщиной доброй и понимала душу ученика. Она подошла к нашей парте и наклонилась к нему:

«Ну, мне-то ты можешь сказать, на ушко?»

Генка, в глазах которого стояли слезы, жарко зашептал что-то в ухо математичке, а потом сел. Антонина стояла закусив губу. Потом спросила:

«А можно мне посмотреть? Я тихонечко!»

Она чуть приподняла шапку и заглянула так, чтобы никто в классе не видел. А потом, пряча лукавую улыбку, потрепала Шишкина по плечу.

«Ну, это ничего страшного, – объявила она. – Тут у Гены небольшая ранка. Но шапку лучше все-таки снять».

И учительница мягко, но настойчиво стянула шапку, и Генка, опустив голову, прикрыл уши ладонями. Голова его была обрита под яйцо, лишь на глаза спадала густая рыжая челка. Но Генка был не так прост, потому что на макушке у него красовался большой белый крест. От уха до уха и от челки и почти до шеи были наклеены полосы лейкопластыря. Они перекрещивались на самом темени, как мишень, и Генка стал похож на гостя из будущего.

На большую перемену он вышел, почти успокоившись. Но он не учел бдительности старой Завчихи. Она выловила его, как краб креветку, из общей беготни и, держа клешней за плечо, поставила перед собой.

«Это что еще за крестоносец? Шишкин, ты без фокусов совсем не можешь? Снять сейчас же!» – и, не дожидаясь, она резким движением сдернула крест.

Генка только охнуть успел. Это была катастрофа. Под лейкопластырем ничего не было! Я стоял рядом с Генкой и ничего не мог поделать.

Клешня отпустила плечо, и я только кое-как успел догнать плачущего Шишкина. Мы ворвались в туалет, и Генка сквозь

слезы сказал:

«Надо идти в медпункт. Отвлеки врачиху, а я лейкопластырь стяну!»

Я не мог понять, к чему такие истерики: ну состригли волосы, даже под челку, ну и что? Новые отрастут, даже лучше будут. Но Генка не успокоился:

«Пойдешь? Не струсил?»

Пришлось согласиться. Мы удачно разыграли врачиху, Шишкин свистнул рулончик лейкопластыря, и мы вернулись в туалет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.